

Часть 1

На кладбище всегда холодно.

И кружится голова.

Боже, как кружится...

Но он старается сидеть спокойно, как и всегда.

Делает глубокий вдох. Прикрывает глаза. Ждет, когда мир вокруг перестанет вращаться, как карусель.

Он тянется к цветам, которые очень любит.

«Злак любви»¹ — так они называются. Они появляются здесь каждый год в конце лета — такие высокие и крепкие. Эверт Гренс собирает опавшие листья, забывая о боли в бедре, и смачивает из лейки бутоны, которым только предстоит стать розовыми соцветиями. Медленно проводит рукой по белому кресту — теперь это все, что он может для нее сделать. Кончики пальцев следуют по рельефным буквам ее имени на простой медной табличке. Она была его единственной земной привязанностью, как и он ее.

Мне тебя не хватает.

Восточный участок Северного кладбища — как долго он не решался сюда прийти. Парковал машину у открытых ворот и медленно бродил по петляющим гравийным дорожкам, словно ластиком подтирая на ходу следы граблей. В окружении мемориальных роц и могильных

¹ По-шведски «kärlekört» — «злак любви», по-русски это растение называется «очиток» или «заячья капуста», международное название — «хилотелефиум». (*Здесь и далее примеч. пер.*)

памятников, будто специально поднявшихся из земли, чтобы посмотреть на него. И каждый раз отступал, поддавшись давлению в груди и тяжести в ногах, и возвращался к машине, городу, отделению полиции и кабинету с вельветовым диваном, с такими уютными и потертыми подушками. Пока наконец не понял: то, чего он так боялся, случилось. И теперь ему остается только идти вперед, ускоряя шаг и убегая от страха, который, если догонит, непременно возьмет верх.

Я скачаю по тебе все меньше и меньше.

Эвэрт Гренс повесил пустую лейку на крюк в уголке для садового инвентаря и уже собирался вернуть на место грабли, когда головокружение вернулось. Словно разрушительная волна захлестнула тело, и Гренс не упал лицом вперед только потому, что успел ухватиться за деревянную планку. Такие приступы случались все чаще, раз от разу сильнее. Будь Анни жива, непременно положила бы его в больницу королевы Софии. Но сам Гренс по возможности избегал общения с людьми в белых халатах.

Обычно он просто стоял и ждал, когда волна уляжется. Если же этого не происходило и беспокойство в теле сохранялось, он садился на парковую скамью, которую со временем стал считать своей. Любовался зеленой лужайкой, которую какой-то бюрократ окрестил квадратом 19В, № 603. Гренсу понадобилось несколько лет, чтобы преодолеть эти два километра — от дома на шумной Свеавеген до тихих, ухоженных участков земли вдоль ведущей к церкви дорожки в Сольне. Где лежала она, среди тридцати тысяч прочих захоронений, достаточно обособленно, чтобы никто не тревожил ее покой, и в то же время не настолько, чтобы чувствовать себя одинокой.

Августовский ветерок ласкал его щеки, на которых, по сравнению с прошлым визитом, прибавилось морщин,

и играл в волосах, заметно за это время поредевших. Он навевал покой — и в душе тоже. Головокружение, во всяком случае, прошло.

Но в этот момент под ногами Гренса будто задрожала земля. И не только земля — все вокруг заходило ходуном. Гренс испуганно огляделся — нет, не земля, всего лишь скамейка, которую он не привык делить ни с кем.

Сегодня на ней сидела женщина, всего в каком-нибудь полуметре от него.

Женщина на его скамейке, совсем рядом.

И она молчала, не обращая на Гренса никакого внимания.

Он осторожно скосил глаза. На вид его ровесница, с короткими черными волосами и глазами, какие обычно не отводят ни от смертельной угрозы, ни от собственного позора. Она напомнила Гренсу Марианну Херманссон, одну из немногих коллег, которым он доверял. Когда-то Гренс лично поспособствовал тому, чтобы Херманссон взяли на работу в полицию, отодвинув многих более квалифицированных соискателей. И она оставалась его ближайшим другом, пока однажды, по завершении одного расследования, не подала заявление о переводе в другое подразделение, потому что и ее терпение оказалось небеспредельным. И Гренс не винил Херманссон, потому что и сам не всегда находил в себе силы с собой справиться. С тех пор они не виделись. Возможно, поэтому он иногда узнавал ее в других людях.

Прошло немало времени, прежде чем незнакомка заговорила:

— Кого вы здесь навещаете?

Взгляд все так же устремлен вперед, в одну точку.

— Я полагаю, вы пришли сюда именно за этим?

Гренс не отвечал.

— Простите, вы ведь, наверное, хотите побыть в тишине, — испуганно продолжала женщина. — Я не

подумала об этом. Просто мне никогда еще не приходилось делить с кем-нибудь эту скамейку... мою скамейку.

И тут Гренс не выдержал:

— Вашу?

Женщина улыбнулась.

— Нет, конечно... не в этом смысле. Просто я привыкла быть здесь одна. В этой части кладбища людей обычно немного.

Некоторое время они сидели молча. Она все так же смотрела прямо перед собой, Гренс тоже. И вокруг стояла такая же полная тишина.

— Жену, — Гренс кивнул на белый крест в паре метров от скамейки. — Ее звали Анни, и мне показалось...

— Что? — нетерпеливо перебила его незнакомка.

— ...что вы немного на нее похожи.

— Похожа?

— Я всего лишь имел в виду... В общем, это ее я здесь навещаю. Я пришел к Анни.

Женщина кивнула, но не с сожалением, которое казалось бессмысленным в этих владениях смерти. Скорее в знак того, что поняла его и приняла объяснение как вполне разумное.

— Давно? — спросила она. — Я имела в виду, когда умерла ваша жена?

— Здесь все зависит от того, что под этим понимать.

— То есть?

— Она... в общем, несчастный случай на работе. Тридцать пять лет назад ее голову переехала машина. За рулем сидел я, и это моя вина. Анни потеряла связь с внешним миром, но не со мной. Многие считают, что она умерла уже тогда. Но если вы спрашиваете о смерти с медицинской точки зрения, то это произошло спустя десять лет.

— А для вас?

— Еще несколькими годами позже. Но теперь я знаю, что Анни мертва. Что ее больше нет для всех остальных... не для меня.

Сколько раз он здесь бывал — и по утрам, и вечером, и в полдень, — и никто не приближался к Гренсу возле могилы Анни. До сих пор люди не решались прервать его молчаливые размышления на парковой скамье, и Гренс видел за этим уважение к его одиночеству. Но и то, что сделала эта женщина, не ощущалось как нечто навязчивое или бестактное. Всего лишь как непривычное.

— А вы?

— Что, простите?

— Кого оплакиваете вы?

Гренс никогда не умел поддерживать светскую беседу. Тем более на кладбище, что делало ситуацию еще более неловкой. Но незнакомку, похоже, это не заботило. По крайней мере, виду она не подавала.

— Я... — замялась женщина, — ...там, под большой березой... видите? Тоже простой белый крест... совсем как у вашей жены.

Она показала рукой.

— Хотя... вы, наверное, ничего не видите, это ведь довольно далеко. Но эта скамейка — единственное место, где можно отдохнуть. Обычно я навещаю могилу, а потом сижу здесь. И я чувствую ее на этом расстоянии.

Эвэрт Гренс молчал, женщина явно собиралась сказать что-то еще.

— Но вы ведь не об этом спрашивали. Вас интересует, кого я здесь навещаю.

— Да, но вам совсем не обязательно...

— Дело в том, что я и сама толком не знаю.

— То есть?

— Могила пуста, — она посмотрела на него. — Там пустой гроб.

Ладонь, одновременно твердая и мягкая.

И руки, которые сейчас держат меня, говорят, что, если я и дальше хочу оставаться здесь один, мне совершенно не нужно...

... слушать ее дальше.

Эверт Гренс мерз. Слово острый нож пронизывал его тело, застревая где-то в диафрагме.

— Но как...

На кладбище всегда холодно, это он хорошо усвоил.

— ...как такое может быть?

— Гроб пустой, вот и все. Наверное, поэтому я и прихожу сюда так часто.

Тут Гренс впервые повернулся к женщине на скамейке рядом и заглянул в глаза, какие никогда не отводят. У нее и в самом деле был такой взгляд — не извиняющийся, но в то же время участливый.

— В гробу нет тела, — пояснила она.

Гренс не знал ее имени. Он впервые видел эту женщину. Но, судя по всему, она не шутила, не принимала его за дурака и сама не была сумасшедшей. Просто говорила ему, как оно есть на самом деле.

— Пойдемте.

Земля снова задрожала, когда незнакомка встала, и шаткая скамейка попыталась обрести равновесие. Женщина пошла по расчищенной граблями дорожке и остановилась у могилы пятью рядами дальше, с таким же белым крестом, какой Гренс установил для Анни. Он так часто бывал здесь, почему не замечал его раньше? А теперь возле этого креста его поджидала женщина, чтобы попытаться рассказать свою историю. Этого ни в коем случае не следовало делать, именно потому, что для Гренса это были слова, и не более того.

— Это ее я потеряла.

Только теперь он все увидел — белый деревянный крест с металлическим щитком, на котором только три слова:

Моя маленькая девочка

— За несколько дней до того, как ей исполнилось четыре года.

Комиссар криминальной полиции приблизился, как будто хотел убедиться в том, что там больше ничего не написано.

Нет, только эти три слова, вместо имени и фамилии.

«Моя маленькая девочка» — всего на несколько букв больше, чем на кресте Анни.

— Грязная парковка в Сёдермальме, там она исчезла. В новом платье и с длинными волосами, заплетенными в две косы.

Цветов на этой могиле было больше, чем у Анни — яркое покрывало из голубых, красных и желтых лепестков. Гренс сам себе удивился, когда узнал немезию, астры и петунии. Царство Флоры никогда его особенно не интересовало, и он избегал сажать на могиле растения, требующие регулярного полива.

Но женщина рядом с ним, очевидно, бывала здесь часто.

— Полиция, конечно, открыла расследование. И начало было многообещающим, они допрашивали меня много раз. Но спустя пару месяцев стали вспоминать обо мне лишь время от времени. Прошел год, и я поняла, что они так и не сдвинулись с той точки, где были в первый день. Никто больше не заговаривал о ней, ни о чем меня не спрашивал. Она стала ничем. Ее как будто никогда не существовало. Поэтому я не стала писать на кресте ее имя. Она принадлежит только мне, больше никто ее не оплакивает. «Моя маленькая девочка» — этого достаточно.

— Но... на парковке? Так, кажется, вы сказали?

— Да.

— Моя жена и я... мы тоже ждали ребенка, когда... и это тоже случилось в...

Она не дала ему договорить:

— Я оставила дверцу машины открытой и пошла к автоматам...

Женщина смотрела на крест, погружаясь в кошмарные воспоминания.

— ...поэтому я и не видела, как подъехал тот фургон. А когда увидела, было поздно...

Гренс ждал. Она собиралась с силами.

— Я просматривала материалы камер наблюдения. Семь секунд — этого оказалось достаточно, чтобы мир изменился раз и навсегда. Моя дочь сидела в детском кресле на пассажирском сиденье. Фургон подъехал почти вплотную. Водитель открыл дверцу, вышел, взял девочку и вернулся в свою машину с ней на руках. Потом уехал.

Закончив свою историю, незнакомка, с которой было так легко поддерживать беседу, сделала то же самое, что и Гренс на могиле Анни: опустила на корточки и занялась опавшей листвой и сорняками. И, возможно, по той же самой причине. Не ради того, чтобы порадовать случайных прохожих видом ухоженной могилы, но чтобы сделать хоть что-нибудь, когда делать что-либо уже поздно.

— Это были странные похороны.

Пальцы ловко перебирали цветы, отделявшие женщину от той, кого она оплакивала.

— Я там была, конечно. И еще полицейский, куратор и священник — люди, с которыми она никогда не встречалась и которые поэтому не могли значить что-либо в ее жизни и ничего не значили для нее после смерти. Кладбищенский сторож вырыл совсем неглубокую ямку для маленького белого гробика с красной розой, который так легко было нести, потому что в нем никто не лежал. Для нее звонили церковные колокола, и кантор, который до того успел похоронить совсем не-

многих, выбрал колыбельную «Йон Блунд»¹. День выдался погожий, солнечный. И под музыку церковного органа казалось еще более абсурдным, что только что начавшего жить человека опускают под землю на веки вечные.

Женщина замолчала, а потом запела, все еще глядя на устилающий могилу цветочный ковер.

— Спи-и поко-ойно... сла-адких снов.

— Вы что-то сказали?

— Так мы пели тогда... Это последняя строчка колыбельной... И звучала она совсем не так, как если бы я пела для нее дома.

Женщина подняла глаза на Гренса:

— Может, потому, что сон в кровати для нее закончился. И она пробудилась — не для этого мира, для вечности.

Она показала на могильную плиту, на которой они оба стояли:

— Там ее гроб, под нашими ногами. Разве это не странная мысль?

Да, это и в самом деле была странная мысль. Не менее странная, чем то, что Гренс так часто думал об Анни, лежавшей всего в нескольких рядах отсюда и не имевшей возможности ни видеть, ни слышать его. И теперь Гренс хотел вернуть то время, когда боль сокрушила все. Он должен был присутствовать на похоронах жены.

— Теперь, когда для всех остальных она стала безымянной, я называю ее Альвой, — продолжала женщина. — «Альва» — почти «Эльва», эльфийское имя, а эльфы существуют, только когда мы в них верим.

Она протянула тонкую, но на удивление сильную руку. Как будто хотела увести Гренса в мир своего прошлого.

¹ Йон Блунд — фольклорный персонаж, человечек, навещающий детей сны. Текст колыбельной, о которой идет речь, написал Г.-Х. Андерсен.

— Вот уже три года как она ушла от меня. И почти шесть месяцев, как ее объявили мертвой. Раз в неделю я навещаю ее, чтобы она не скучала одна. Потому что она, конечно, чувствует себя одинокой, несмотря на всех, кто лежит здесь. Обычно это бывает в четверг, когда легче улизнуть с работы. А теперь мне пора, может, увидимся в другой раз, когда придем одновременно навестить наши могилы. Если нет, Альве будет приятно, если время от времени и вы будете к ней заглядывать. Просто остановитесь здесь ненадолго. Это не займет много времени, а она почувствует, что рядом кто-то есть.

Гренс смотрел, как она удалялась по гравийной дорожке, петляющей между ухоженными кустами и массивными надгробьями, будто перемещенными сюда из другой эпохи. Он не спросил даже ее имени.

Безымянная, совсем как та девочка.

Ему и самому была пора возвращаться в кабинет комиссара криминальной полиции, с минимум дюжиной текущих расследований на столе. Но он еще не закончил с Анни. Поэтому Гренс снова присел на парковую скамью, теперь уже один и без всякой тряски.

Он ведь тоже иногда думал о ребенке, о котором Анни так и не узнала. О вполне сложившемся человеке, с сердцем, легкими и глазами, которые могут закрываться и открываться. Их девочка умерла в тот же день, что и Анни — для всех, только не для Гренса. Почему он не сказал об этом Анни? Он пытался, особенно поначалу, в больнице. Но Анни как будто не вполне его поняла.

Моя маленькая девочка.

Так это все-таки несправедливо.

Время от времени, занимаясь делами преступников, которые преследовали и убивали друг друга, Гренс не мог избавиться от ощущения, что эти люди сами выбрали свою судьбу. Нет, он все так же добросовестно делал свою работу, выкладывался по полной, снова и снова загляды-

вая под каждый камень, хотя бы потому что для Гренса это был единственный способ справиться с самим собой. Ничто у него не делалось наполовину, но Гренс не мог по-настоящему сочувствовать жертвам, которые сами сделали свой выбор. В отличие от ребенка, за которого решил кто-то другой.

Именно поэтому в случаях, где жертвами оказывались дети, речь шла о чем-то большем.

Вскоре он забыл о времени. Просто сидел на солнце, которое согревало весь мир, только не этот его кусочек.

Прошел почти час, прежде чем комиссар поднялся со скамьи и сорвал пару цветов с могилы Анни, чтобы положить их на край другого деревянного креста. Он стал задавать вопросы девочке, которой там не было.

Кто ты?

Почему ты исчезла?

Где ты теперь?

* * *

Я не хочу этого. Дайте мне побыть в одиночестве, пока здесь нет мамы и папы.

Так приятно держаться за руку, мягкую и твердую одновременно.

Руку, которая точно знает, куда идти, куда ушли папа и мама.

И где они меня ждут.

После того как Анни угодила под машину и девочка, которая только начала расти у нее внутри, умерла, а сама Анни медленно угасала в больничной палате, запертая в своем мире, коллеги отправили его к полицейскому психологу. Чтобы тот наконец разъяснил Гренсу, что это он наехал на Анни, и их совместная жизнь близка